

Иван НЕЧИПОРУК

НЕ ГОВОРИ МНЕ О ВОЙНЕ

Иван Нечипорук родился в 1975 году. Коренной горловчанин, в довоенном прошлом шахтёр. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ, зампредседателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России. Член-корреспондент Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор нескольких книг стихотворений. Живёт в Горловке (Донбасс).

А сверху город, словно сказка —
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь ещё предельно ласков,
Но путь его уже тернов.

Без птичьей суэты — жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым
и облака
Идёт сквозь гул разрывов
канонады
К звезде полей, что нынче
далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать
шум осок

И вздрагивать при каждом
крике выпи...
Но время горькое опять клюёт
в висок,
И чашу скорби всё же нужно
выпить.

КТО НЕ СКАЧЕТ

Ещё вчера кричавшие:
«Осанна!» —
Сегодня перекрасились
нежданно,
Благоразумия уже не сохранить,
Когда в загуле и в угаре пьяном
Злой дух толпы, витая
над майданом,
Рождает крик, взывающий:
«Распни!»

И хмурый день становится
кровавым.
Народ кричит и требует
расправы
(Найдут виновных,
ведь никто не свят)...
Зигуя небу жестом ультраправым,
Толпа взвывает:
«Отпусти Варавву!» —
И скачет...
Кто не скачет — тот распят!

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Тают в облаках луки...
Ветер свищет, как нагайка,
Воздух сладостно горчит.
Надо мной не плачут чайки,
Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты...
На ветру трепещет осень,
Сквер, осунувшись, простыл.
И октябрь с собой уносит
Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной...
И друзья считают чаек
Над холодною Невой.
И, по Родине скучая,
Не торопятся домой...

Месяц опускает луч
на дома епитрахилью,
ночь сегодня принимает
исповедь от сентября.
Осень, словно мотылек,
расправляет чудо-крылья,
и над нею звёзды робко
и заплаканно горят.

Неужели ты поверишь
в то, что лето канет в Лету?
Сохранить тепло — непросто.
Но кому-то по плечу...
И летит сквозь время наша
неуёмная планета.
Ночь прочтёт канон последний
и зажжёт зари свечу.

Мир пляшет на костях,
тут верь не верь —
Всесилен злобы человечьей зверь.
Мой день опять застыл
на острой грани.
Война не спишет разочарований
И не смягчит, увы, досаду
от потерь.

Душа моя прошла и Крым,
и Рим,
Я сеял слово — пожинаю дым,
Мне не хватает ни чернил,
ни красок...
Но вера тлеет, дожидаясь часа
Пустить надежду по артериям
моим.

БУДЕМ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИТЬ

*Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют.*

Илья Кормильцев

Действительность наша горька
Под знаменем скучного века,
Где быт, как безногий калека,
Обрушиившийся истукан,
Где время — обуза, не лекарь.

Тончает сознания нить,
Судьба, как позёмка, вихляет
Под песни собачьего лая...
Но нужно друг друга любить,
Пока нас всех не...

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку,
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И 100 пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце усмиряли жалость.
А воздух был уже больной,
И всё закончилось войной...
Верней, всё только начиналось.

Пожар вселенской паники,
Агония огня.
Мы страшных слухов данники,
Прислуга злобы дня.

И в ночь под новолуние
Теряем правды нить,
Чтоб поощрять безумие
И страхом страх кормить.

А гиря века всё чугуннее.

Т. Гончарова

Правит в отравленном мире
Шестигодичная тьма.
Нас продолжает ломать
Века чугунного гирия —
Пропасть становится шире,
Лирики сходят с ума.

Словно под ноготь иголка,
Боль проникает, как ток.

Кровью залитый Восток
Воет отчаяньем волка...
Время щербато и колко
Бьётся в скрещении строк.

Памяти Андрея Ширяева

Изгиб гитары лопнул, и ты,
раскинув руки,
Подрезанный осколком,
под яблоней упал.
И пошатнулось небо, разрывов
стихли звуки,
Поехали деревья, и утонул
вокзал.
Поэты, не поэты — войне
нельзя без жертвы,
И в небо, словно птица,
отправилась душа...

Опять казённик вздрогнет,
огонь исторгнет жерло,
Кто в бойне уцелеет —
увы, не нам решать.

Моим родителям

Здесь запах тополей родней
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.

За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя не найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

**НЕ ГОВОРИ СО МНОЮ
О ВОЙНЕ**

Зачем ты бередишь печаль
во мне,
Зачем тревожишь раненые
чувства?
Не нужно черпать боль в моём
огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!

Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной!
Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льётся тихий
свет...

Ну, а война и так во мне
до гроба...

И снова бой с дремучей тьмой,
Где даже свет рождает тени,
Где время пыльной пеленой
Становится худой молвой,
Рождая страхи и сомненья.

Но прорастёт сквозь мглу ответ
Под шум дождя и крики чаек.
Волна, зализывая след,
Тебе прошепчет: «Счастья нет
Там, где его не замечают».

Высоко над землёй, над июльской опаловой степью
Мы стоим на вершине седой рукотворной горы.
Наших душ вдохновение птицею рвётся в обрыв.
Предзакатье открылось во всём своём великолепье,
И весь мир встрепенулся, отбросив вериги жары.

Это лето для нас отзовётся когда-нибудь болью,
Но сегодня есть «мы», и не хочется думать о том,
Что за гранью июня... Наступит ли наше «потом»?..
Мы с тобой на вершине, закатом горит дикополье,
И над нами курганник парит красно-серым крестом.

